

УДК 81.373.47

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА

Каплунович И.Я., Каплунович С.М.

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новгородский филиал)», Великий Новгород, e-mail: nfranhigs@rapera.ru

Чувство патриотизма это эмоциональный, а не ментальный феномен. Поэтому формировать его следует не рационально, а иррационально. И оно будет более эффективным, если проводить его с опорой на бессознательный (не имеющий фильтры), а не на сознательный страт (обладающий жесткими фильтрами). При этом должен учитываться ряд приведенных в статье психологических законов и предсцинирующих им технологий.

Ключевые слова. Патриотизм, эмоциональное отношение, бессознательное, каузально-генетический подход, адекватная ситуация, социальный организатор, интенции, аффирмации, бессознательная синхронизация, нейро-лингвистическое программирование, наведение транса

LAWS OF PSYCHOLOGY FOR FORMATION FEELING OF PATRIOTISM

Kaplunovich I.Ya., Kaplunovich S.M.

VPO «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novgorod branch)», Velikiy Novgorod, e-mail: nfranhigs@rapera.ru

The feeling of patriotism is emotional, not an thinking phenomenon. Therefore this necessary to form a irrational, and not rational. The process of formation must take into account the psychological laws and corresponding Technology, which are given in the article.

Keywords: Patriotism, emotional attitude, the unconscious, the causal-genetic approach, adequate situation, social organizer, intentions, affirmations, unconscious synchronization, neuro-linguistic programming, trance guidance

«У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» – выразил уверенность В.В. Путин. Особая роль формированию этого феномена отводится и в национальной доктрине образования РФ до 2025 г., которая подчеркивает, что «система образования призвана обеспечить воспитание патриотов России». Поэтому понятна актуальность проблемы формирования этого чувства у граждан нашей страны и обилие исследований в этом направлении.

Формирование чувства патриотизма (от греч. *patris* – отечество) – одна из перманентных и релевантных психолого-педагогических задач. Но особую значимость она приобретает в связи с обострившейся в последнее время международной обстановкой. В поиске и обосновании

эффективности путей и способов, психологических закономерностей формирования этого психического феномена, мы видели *цель* предпринятого нами исследования.

Диверсификационный анализ исследований проблемы свидетельствует о том, что в основном и в своем большинстве акцент в них делается на поиске форм и методов развития этого феномена у людей. Интенции сосредоточены на ответственности

и гордости за достижения страны, потребности защищать ее, представлениях о ее героях, преданности своим истокам (родине, семье), интересах к национальным традициям, национальной толерантности, уважительном отношении к государственным символам, и т.д. Однако все эти рассуждения часто паллиативны и основываются на здравом, «правдоподобном» (по терминологии Д. Пойа) смысле. Выводы и умозаключения и не всегда подкреплены теоретическим анализом и научными положениями. Между тем, необходимость серьезного научно-теоретического подхода в любом исследовании не вызывает сомнения. С него мы начали решение проблемы.

В отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе понятие патриотизма дефинируется по-разному. Но в любом из них нетрудно обнаружить общие и релевантные феномены, включающиеся в любую трактовку данного понятия: это любовь и преданность отечеству, своему народу. И тут обнаруживается два общих релевантных феномена:

а) обращение не к самому отечеству или народу, а к отношению человека к ним, интердепенденции, что по самому определению свидетельствует о наличии

эмоциональной составляющей чувства патриотизма;

б) наличие не столько сознательных, сколько и чаще бессознательных (по терминологии З. Фрейда) норм поведения, ценностей, действий, способов деятельности и привычек.

Согласившись с необходимостью опоры и использования эмоциональной составляющей этих человеческих феноменов, мы заметили, что в подавляющем большинстве исследований патриотизма его формирование предлагается реализовывать посредством лишь интеллектуального воздействия на людей. Гражданам объясняется, их убеждают, им обосновывают необходимость и важность любви к своей родине. Однако только такой, односторонний подход противоречит ряду методологических парадигм. Среди них сошлемся на известное философское положение И. Канта о наличии двух автономных и несводимых друг к другу у человека ипостасей: рациональной и иррациональной [3]. Суть его в том, что никакими логическими рассуждениями невозможно объяснить возникающие у человека эмоции:

«Человек прекрасно понимает – Это дрянь. И любит эту дрянь!» (Э. Асадов).

Справедливо и обратное: никакими чувствами нельзя объяснить справедливость и правомерность логических конструктов и контентов личности.

Поэтому тривиальным и аподиктическим становится вывод о бесперспективности формирования чувства патриотизма только посредством разума, и необходимости в этом случае обращения первую очередь к эмоциональной составляющей психики.

Вторым исходным основанием формирования чувства патриотизма, как уже отмечалось выше, является опора на феномен бессознательного. Реализация этого подхода и опора на него имеет явные преимущества, которые детерминированы дифференциацией психологической феноменологии осознаваемых и неосознаваемых процессов. Известно, что если в первом случае обязателен фильтр контроля всего того, что происходит, то при бессознательных процессах этот контроль отсутствует, и человек довольно легко принимает новые психологические установки. Вспомним Ф.М. Достоевского:

– Умен он, как вы думаете? – спросила Катя.

– Нет, я так его, просто люблю [2; 63].

В этом не трудно убедиться, и если вспомнить, например, как индивид легко воспринимает и выполняет требования другого в бодром и гипнотическом (трансвом) состоянии.

Не будем утверждать, что формировать чувства патриотизма предлагается только рационально. Диверсификационный анализ специальной литературы свидетельствует о наличии и использовании методик, опирающихся и на бессознательные, и на эмоциональные феномены личности. Однако применяются они фрагментарно, бессистемно, спорадически, «броуновски», необоснованно и базируются, как правило, на формально-логическом (эмпирическом) подходе. Здесь фактически отсутствует теоретический анализ (в смысле Г. Гегеля, В.В. Давыдова, С.Л. Рубинштейна), позволяющий вскрывать генетически исходное, всеобщее отношение некоторой развивающейся системы предметов и обнаруживать их.

Наше исследование строилось и опиралось именно на него. Итогом этого анализа явилась *гипотеза* исследования, согласно которой эффективное формирование чувства патриотизма должно опираться не столько на рациональные, сколько консеквентно на иррациональные психологические феномены – эмоциональный и бессознательный.

Верификация гипотезы осуществлялась в течение учебного года со студентами двух учебных групп (45 человек) Новгородского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Занятия проводились раз в неделю в форме социально-психологического и тренинга личностного роста, а также психодраммы. Эти формы мы выбрали руководствуясь принципом Л.С. Выготского, согласно которому «воспитывает учеников то, что они сами делают, а не то, что делает учитель; важно не то, что мы даем, а то, что мы получаем; только через свою самостоятельность они изменяются» [1; 195].

Вместе с тем, мы отказались от традиционной формы исследования (диагностической, а затем обучающей эксперимент), и использовали неоднократно апробированный нами ранее каузально-генетический подход (по терминологии Л.С. Выготского, В.В. Давыдова). [4], [7].

Наш формирующий (каузально-генетический) эксперимент базировался на следующих законах, сформулированных и апробированных нами в предыдущих исследованиях.

1) Закон создания адекватной ситуации. Суть его сводится к тому, что людьми руководят не только и не столько люди, сколько обстоятельства. Поэтому для принятия некой внутренней установки, соответствующего поведения и выполнения определенных функций более действенными оказываются не вербально-логические

силлогизмы и факты, а ситуации. Ситуации, в которых человек вынужден действовать по определенным, наперед спрогнозированным экспериментатором правилам [5]. Известно, например, что в целях убеждения важности изучения иностранного языка гораздо эффективнее иммерсивность, перемещение человека в иноязычную среду, нежели долгие и упорные объяснения этой необходимости.

Опираясь на этот закон, мы не предлагали нашим испытуемым уже готовые логически обоснованные силлогизмы или сентенции, не убеждали их посредством предъявления ряда суждений и консенквентных умозаключений. Участники эксперимента оказывались в специально организованных экспериментатором ситуациях (не редко фрустрационных), в которых они были вынуждены разрешать определенные социально-патриотические коллизии и действовать определенным образом. Например, в целях формирования чувства социальной доминанты студентам предлагалось в формате психодрамы разыграть некоторые конкретные ситуации, почерпнутые нами из драмы С.Д. Салынского «Барабанщица». В них сталкивались чувства личных интересов и даже чести с государственными интересами.

2) Следующим основополагающим для формирующего эксперимента и развития эмоциональной составляющей чувства патриотизма являлся закон аффирмаций. Согласно ему, все предлагаемые испытуемым упражнения и действия базировались только на позитивных мотивах и были направлены на их формирование. Смысл этого заключался в неосознанном «присвоении» ими (по терминологии А.Н. Леонтьева) представлений и внутренних убеждений о только положительной оценке социумом патриотических действий и поступков. Другими словами, наше обучение носило только «победный характер» (по В.Ф. Шаталову).

Справедливость этого положения помимо ранее проведенных нами исследований [4, 5, 7] подтверждается множеством фактов и практических выводов предшественников. Еще древние греки утверждали, что наказанием человека можно принудить к послушанию, но его нельзя принудить к желанию, творчеству, знанию, качественной работе, любви и преданности.

Продуктивность такой позиции и ее справедливость подтверждается и эмпирическими наблюдениями Д. Карнеги, а также его многочисленными ссылками на опыт известных лиц, например, Ч. Шваба. Его рабочий принцип заключался в умении «вызывать у людей энтузиазм и развивать

то, что есть лучшего в человеке, с помощью признания его достоинств и поощрения» [8; 49]. Развивая свою мысль, этот крупный успешный американский промышленный магнат замечает, что не встречал еще человека «который не работал бы лучше и не проявлял больше старания в обстановке доброжелательности, чем в атмосфере критики» [8; 49].

Тенденцию возникновения переживания протагонистами психодрамм собственного могущества и всесильности, возможности многое достигнуть самостоятельно, личного удовлетворения своих желаний и потребностей мы прогнозировали исходя из опоры и на известное методологическое положение. Оно было сформулировано С.Л. Рубинштейном, который убедительно показал, что тот, «Кто хочет исправить недостатки другого человека, должен искать его достоинства, хотя бы потенциальные, те свойства его, которые могут быть обращены в достоинства при надлежащем направлении заключенных в нем сил» [9; 139].

Поэтому вполне нативным и консенквентным можно считать аподиктический вывод о необходимости ценить способности каждого человека, поощрять и относиться к нему как к индивидуальности. И поскольку желание преуспевать – неотъемлемая черта личности, то необходимо создавать ей для этого все условия.

3) Закон позиции социального организатора был следующим исходным положением. Он опирался на известное утверждение Л.С. Выготского, согласно которому необходимо «свести возможно ближе к нулю роль учителя там, где он, подобно рикше, выступает в роли двигателя и части своей педагогической машины, и все основать на другой его роли – роли организатора социальной среды» [1; 194]. Поэтому обучение велось так, что экспериментатор находился не впереди, не вел за собой испытуемых, а следовал за ними и находился позади них.

Экземплификацией этого закона служила известная мудрость Лао-цзы, который считал, чтобы вести людей за собой, надо идти за ними. А сам процесс должен быть подобен «сельскохозяйственному подходу» (по Макгрегору), при котором растениям (обучаемым) создают соответствующий климат (условия), обеспечивают подкормку (мотивацию) и предоставляют возможность (демократические свободы) расти самим по себе. Другими словами, экспериментатор косвенно генерировал у испытуемых определенные желания и потребности, а затем по их просьбе помогал им достигнуть желаемого.

4) Следующим принципом для реализации каузально-генетического подхода явил-

ся закон интенций. Общий смысл его можно проинтерпретировать известным высказыванием Конфуция: «Если ты не знаешь, что ты ищешь, то что же ты ищешь?» Каждый испытуемый обязательно должен был знать, что именно он ищет, на что должны были быть направлены его интенции. Заметим, что осознавались, и интенции были направлены не на конкретные компоненты чувства патриотизма (преданность и деятельная любовь к отчизне, готовность к жертвам ради нее, отстаивание ее интересов), а желание обрести новые личностные способности (к саморазвитию, личностной идентичности и устойчивости, воля, честность и благородство). И лозунгом этих интенций был призыв К. Пруткова «Зри в корень», заключающийся в позитивном и конструктивном.

5) Последним в списке базальных принципов явился закон бессознательной синхронизации. Его можно рассматривать как проявление своеобразной автосинхронизации. Она проявляется в том, что если в группе 5% людей одновременно совершают конкретное действие, то и остальное большинство неосознанно начинает повторять его. Подобное легко наблюдать на концертах, когда вслед за небольшой группой людей поднимается с мест или начинает аплодировать весь зал, когда нервное состояние, неожиданно возникшее у нескольких быстро передается большинству, и т.п. Срабатывает эффект психического заражения. Например, стоит нескольким людям выкрикнуть некий лозунг, и его, а иногда и действие (часто негативное) подхватывает вся толпа.

Следовательно, для формирования в социуме убеждений, действий, поступков и т.д. совершенно не обязательно выполнять и принимать их всей группе. Достаточно осуществление этого небольшой пятипроцентной частью. Наиболее эффективно – лидерами. Остальные «подтянутся» и неосознанно начнут выполнять его. Так мы и действовали.

Далее естественным образом возникает вопрос о технологиях, методах и методиках, предсцинирующих и позволяющих реализовать указанные законы формирующего эксперимента. Они были достаточно разнообразны и включали наряду с известными и авторские. Перечислим некоторые из них.

Занятия начинались с обсуждения позитивных событий, произошедших в жизни каждого за прошедшую неделю. Участники узнавали о всем хорошем, что произошло у однокурсников, в вузе, стране, мире. Это способствовало произвольному далеко не всегда осознанному формированию чувства гордости и принадлежности определенной общности, социуму.

Обучение строилось таким образом, чтобы после каждого занятия участники эксперимента ощущали свое личное продвижение. Благодаря проводимой после каждого упражнения и занятия в целом рефлексии, направленной на фиксацию личных самоизменений и потребности в них, у них возникало ощущение возрастания собственной силы, расширения своих возможностей. Испытуемые должны были почувствовать не только свое продвижение, но и ощутить желание поиска путей, траекторий своего изменения и прихода к новому состоянию. В итоге это движение переживалось каждым как путь к могуществу и обогащению (в противовес ущербности и беспомощности, которые нередко порождает критика).

Этому же способствовали многочисленные раздачи и вручения различных знаков отличия, наградных украшений и эмблем. Они оказывали релевантное и не всегда осознанное воздействие на формирование приверженности различным группам, общностям и стране в целом. В его основе лежит эффект, подмеченный великими полководцами: солдат не расстанется со своей жизнью ради вас, но он отдаст ее вам за лоскут цветной ленты.

Предлагая участникам задания, мы опирались и на утверждение Л. Фейербаха о том, что «Положение, должностные имеют влияние на образ мыслей человека, его внутреннюю жизнь, его веру более, чем он сам сознает (выделено нами (И.К., С.К.) это. В большинстве случаев уже нельзя отличить образа мыслей по долгу службы от свободных убеждений, того, что исходит от самого человека, от того, что исходит от него в связи с его внешней профессией. Отнимите у бесконечного множества людей их положение, и вы отнимите у них веру. Вера – это профессиональный долг. Не убеждения поддерживают положение, а положения – убеждения» [10; 25].

Поэтому посредством использования известной методики чередования творческих поручений каждый член экспериментальной группы получал определенную «должность» [6]. Причем «должности» не только чередовались, но иногда просто менялись их названия при сохранении того же самого функционала. Например, ответственный за «творческие перекусы» (поскольку занятия проводились по вечерам, то приходилось организовывать кофе-брейки) (обеспечению информацией) получал должность менеджера по питанию (менеджера информационных технологий), и т.д. А, как уже отмечалось, должности косвенно и неосознанно часто меняют нрав, чувство

собственного достоинства, настроение и не только их.

Широко использовались и методы нейро-лингвистического программирования, направленные на работу с подсознанием клиентов. Так, якорение осуществлялось путем регулярного вручения испытуемым и широкого использования на занятиях различных символов, логотипов, флагов, эмблем, значков, крепившихся на одежду, сочинения и исполнения гимна группы, и т.д. Активно использовался и недирективный Эриксоновский гипноз (наведения транс). Он позволял человеку, находящемуся в бодром состоянии и активно общающемуся с другими участниками, обходить возможное сопротивление (фильтры) сознания.

В целях формирования некоторых убеждений мы использовали и некоторые логические методы, например, Сократа. В отличие от других приемов, явно апеллирующих к сознанию (например, метод Гомера), метод Сократа позволял наводить транс. Соглашаясь и давая утвердительные ответы на первые вопросы, испытуемые непроизвольно (и как правило неосознанно) соглашались и с утверждениями, которые первоначально их сознание отрицало.

В качестве приемов воздействия на бессознательное и формирования чувства патриотизма кроме специальных методов (рефлексивного управления, косвенных вопросов, уклончивых ответов и прожективных методик) широко применялись разнообразные по форме и тематике диспуты и дискуссии. Поскольку в дискуссии основные интенции были сосредоточены на поиске аргументов для обоснования своей позиции, то основная цель тренера (формирования эмоционального отношения и чувств) оказывались на втором плане. Но вместе с тем, в диспуте, опровергая или принимая чужую точку зрения, участники опять непроизвольно и неосознанно формировали у себя соответствующие убеждения.

Все перечисленные методы и технологии выступали лишь средством, а целью являлось формирование эмоционального отношения, чувства принадлежности социуму посредством косвенного обращения и взаимодействия с подсознанием участников.

Эффективность нашей работы оценивалась методами контент-анализа, экспертных оценок, прожективными тестами и путем определения статистической достоверности различий посредством F-критерия дисперсионного анализа. Верификация подтвердила справедливость выдвинутой гипотезы, но зафиксировала недостаточность («узость») использованного нами арсенала методов. В его расширении, поиске и обосновании системности и валидности нашего подхода мы видим следующий шаг предстоящих исследований.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Предисловие к русскому переводу книги Э. Торндайка «Принципы обучения, основанные на психологии» // Собр. соч. в 6-ти т. – М. Педагогика, 1982. – Т. 1.
2. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. Л.: «Наука», 1989. – т. 4. – <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/unizh.txt&page=6>.
3. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2015.
4. Каплунович И.Я. Измерение и конструирование в зоне ближайшего развития // Педагогика, 2002. – № 10.
5. Каплунович И.Я., Каплунович С.М. Принцип создания адекватной ситуации и зона ближайшего развития // 7-я Российская конференция по экологической психологии. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб.: Нестор-История, 2015.
6. Каплунович И.Я., Каплунович С.М. Психолого-кибернетический анализ педагогики
7. коллективного творческого воспитания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 1 (191) 2014.
8. Каплунович И.Я., Каплунович С.М., Ситников В.Л. Теория, терминология и язык психолого-педагогических наук // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014. – № 3.
9. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Пер. с англ. Л.А. Кузьмина. – М.: Попури, 2014.
10. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.
11. Фейербах Л. История философии // Фейербах Л. Собрание произведений: В 3 т. – М.: Мысль, 1974. – т. 3.